

НИНА ГРИГОРЬЕВНА ЗАЙЦЕВА

доктор филологических наук, заведующий сектором языко-
знания, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

zng@ro.ru

‘СЕРДИТЬСЯ’ ПО-ВЕПССКИ (ИМЕНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ)*

Лингвогеографические исследования популярны в финно-угорском мире. Накопление диалектного материала, шедшее длительное время, теперь стало оформляться в диалектологические атласы. В течение ряда лет ведется работа по подготовке «Лингвистического атласа вепсского языка». Диалектное членение вепсской речи, в соответствии с которым в вепсском языке выделяется три диалекта (северновепсский, или прионежский, средневепсский и южновепсский), было сформулировано финскими лингвистами, а позднее принято и российскими исследователями вепсского языка как соответствующее действительности. Оно, прежде всего, связано с географическим положением регионов проживания вепсского народа. Специфика работы с лексикой, которая размещается на лингвистических картах будущего атласа и в научных комментариях, представлена в данной статье на материале именований понятия ‘(рас)сердиться’ в диалектах вепсского языка. Как показал анализ, в диалектных ареалах в данном случае наблюдается прибалтийско-финское наследие (*käraita*, *pahiduda*, *verduda/vertta*), присутствует вепсская инновационная лексика (*kurktuda*), проявились следы контактов с карельским языком (*sänduda*) и русскими народными говорами (*rändüda*). Все это наложило свой отпечаток на формирование диалектных ареалов языка вепсов.

Ключевые слова: лингвистическая география, языковые контакты, вепсский язык, диалектные ареалы, этимология

В последнее время лингвогеографические исследования финно-угорских языков стали исключительно популярными. Очевидно, шло длительное накопление материала, без которого атласы не могут быть подготовлены, и теперь эти материалы стали оформляться в лингвистические или диалектологические атласы.

Вепсский язык уже выступал объектом двух лингвистических атласов: «Лингвистического атласа Европы» и «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков»¹, последний из них подготовлен международным коллективом авторов из Финляндии, Эстонии, Карелии². Одной из задач прибалтийско-финского атласа было выяснение «...положения южноэстонского и вепсского языков в языковой семье»³. Атлас проиллюстрировал, что вепсский язык обладает чертами, которые роднят его в большей или меньшей степени с другими прибалтийско-финскими языками. Раскрыть же более глубоко специфические особенности вепсского языка в данном коллективном труде и не предполагалось. Это задача уже самостоятельного атласа вепсского языка, который, как и любой атлас вообще, прежде всего должен базироваться на совокупности и анализе собственного диалектного материала.

Как известно, первооткрывателем вепсов считают академика Российской академии наук Александра Шегрена, который совершил две поездки в места расселения вепсов: в 1824–1825 и 1827 годах. Он оставил записи, которые касаются прежде всего построения слов, но, к сожалению, они не введены в научный оборот. После этого земли

вепсов посетили многие ученые из Финляндии. При этом интерес к материалам вепсского языка в тот период, который характеризовался особым вниманием к истории развития языковых фактов, у финских ученых был настолько велик, что с легкой руки Е. Д. Европеуса вепсский язык стали называть даже «прибалтийско-финским санскритом» [6: 22], считая его своеобразным кладезем языковой древности. Представления об особой архаике языка вепсов побуждали финских языковедов активно использовать вепсские материалы в сравнительно-историческом исследовании финского языка. Авторы с интересом познавали особенности вепсского языка, родившего последний, в первую очередь, с финским языком.

В 1842 году у вепсов побывал Э. Леннрот, интерес которого заключался, прежде всего, в сборе возможного вепсского эпического наследия. На землях вепсов ему не удалось его обнаружить, однако материалы вепсского языка сослужили ему большую службу, поскольку именно на их основе он защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора Хельсинкского университета [7]. Отметим, что в своей работе Леннрот еще не упоминал о диалектном членении вепсской речи.

Затем, в 1855 году, вепсов посетил А. Алквист. Его путешествие было совершено на земли более северной группы вепсов (среди них села Шелтозеро, Шимозеро). Он уже попытался сделать некоторые замечания о диалектных особенностях вепсского языка, выделив в нем *два* диалектных ареала: прионежский (вдоль Онежского озера)

и приоятский, протянувшийся вдоль р. Ояты почти до Белого озера [5].

Известный исследователь исторической фонетики прибалтийско-финских языков Э. Сетяля также совершил две поездки на земли вепсов: в 1889 и 1916 годах. Именно в этот период после поездки Э. Сетяля исследователи вепсского языка Л. Кеттунен и Э. А. Тункело, которые и сами предприняли неоднократные научные экспедиции в места расселения вепсов, осмыслили собранные ими материалы и пришли к заключению о выделении в языке вепсов *трех* диалектов: северновепсского, или прионежского, средневепсского и южновепсского – и наиболее полно охарактеризовали их [8: 15–17].

Предложенное диалектное членение вепсской речи закрепилось и было принято позднее и российскими исследователями вепсского языка (см., напр.: [1: 13–17]) как соответствующее

действительности. Оно основывалось, прежде всего, на географическом положении регионов проживания вепсского народа. Земли расселения вепсов никогда не образовывали единого административного целого. Они входили частично в Олонецкую губернию, частично в Новгородскую и Санкт-Петербургскую, причем границы в разное время менялись. В XV–XVI веках вепсские территории были частями Обонежской пятины. В X–XIII веках они подчинялись древней Ладоге, образуя так называемый Обонежский ряд [3: 3]. Таким образом, административное устройство, собственно, никогда не принимало в расчет границы этнической вепсской территории, что, конечно же, сказалось и на формировании диалектных ареалов вепсского языка. В настоящее время вепсы оказались на стыке трех регионов: Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей (рис. 1).

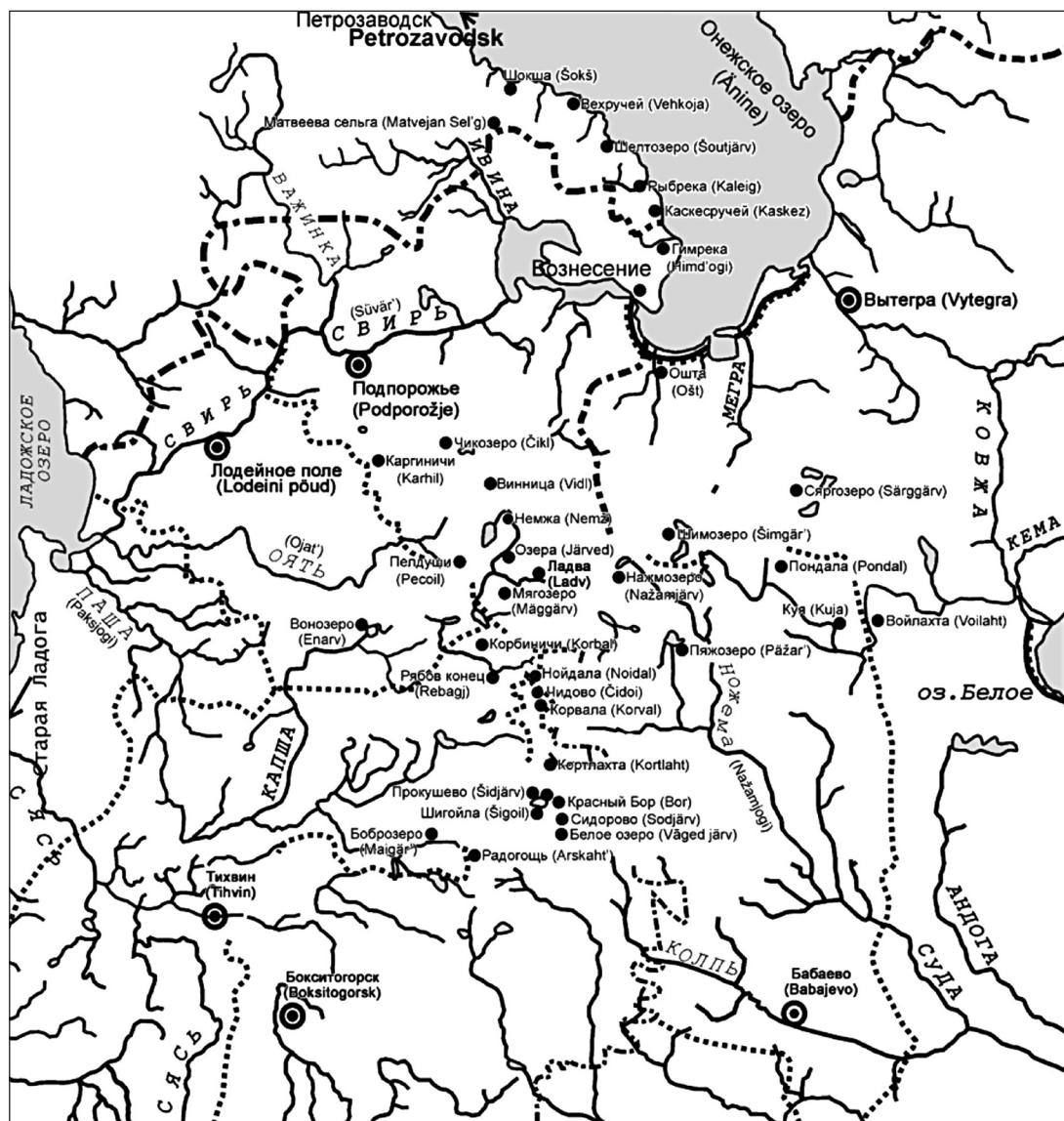

Рис. 1. Карта современного расселения вепсов

Первые экспедиции с целью записи вепсского диалектного материала сотрудниками Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН были совершены с начала 1950 года. Всего состоялось более полутора сотен выездов во все регионы проживания вепсов. Коллекция вепсских материалов Фонограммархива Институ-

та языка, литературы и истории КарНЦ РАН является, по всей видимости, самой представительной в мире, насчитывает более 400 часов записей разного характера: записи бытовых рассказов, фольклорные материалы, этнографические зарисовки, ономастический материал (рис. 2).

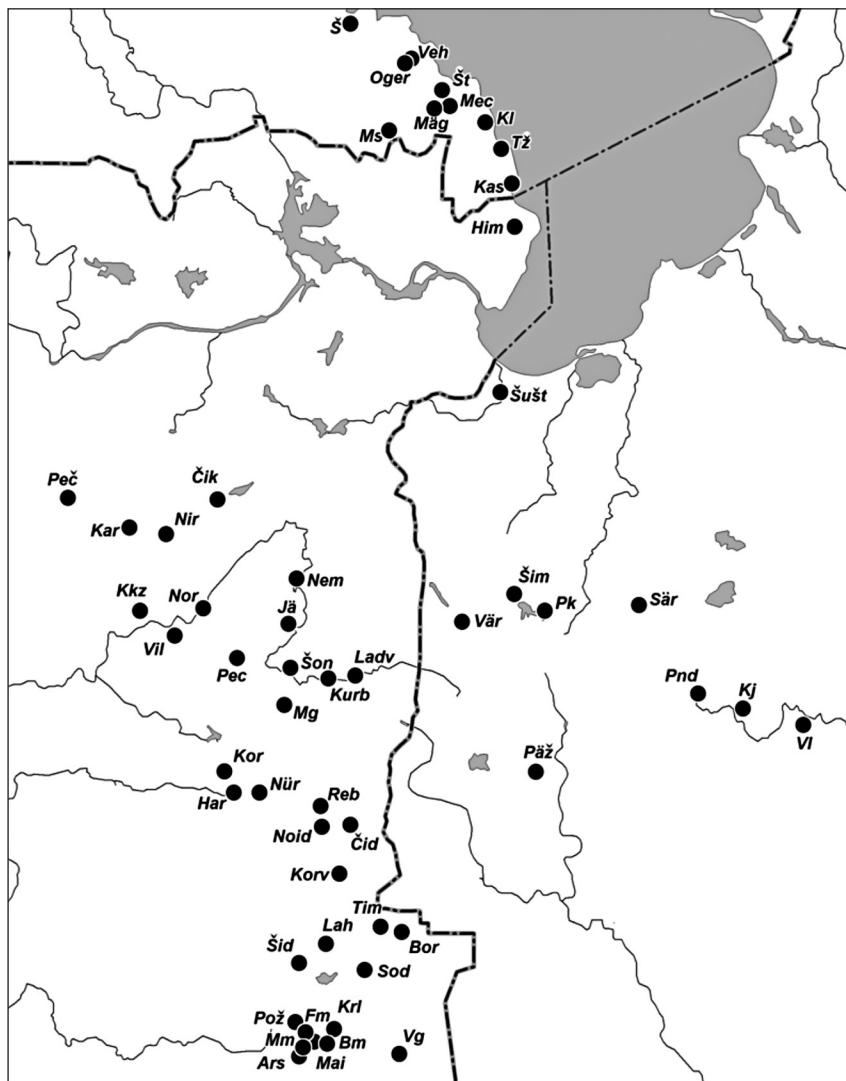

Рис. 2. Карта экспедиционных маршрутов сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН на территории расселения вепсов

Идея создания «Лингвистического атласа вепсского языка» возникла еще во времена Д. В. Бубриха. Учеными-вепсологами Н. И. Богдановым и М. М. Хямляйненом был составлен вопросник по сбору материала для атласа вепсского языка, но сама работа не была начата из-за отсутствия кадров. Лишь в начале 2010 года появилась возможность вернуться к данной теме при поддержке РГНФ (РФФИ).

В дальнейшем вопросник атласа вепсского языка был дополнен и вновь отредактирован с учетом всего комплекса исследований по языку вепсов. В 2012–2013 годах было проведено его заполне-

ние в полевых условиях в 30 вепсских пунктах. Помимо полевых данных широко привлекается материал из опубликованных в разные годы письменных источников, а также созданных в последнее время электронных ресурсов. Обязательное условие при их использовании – точная привязка материала к пункту функционирования. Это позволило значительно расширить сетку пунктов картографирования на лингвистической карте до 75 вепсских населенных пунктов (рис. 3). Понятно, что материал из источников не носит такого регулярного характера, как собранный в ходе полевого сбора по специальному вопроснику.

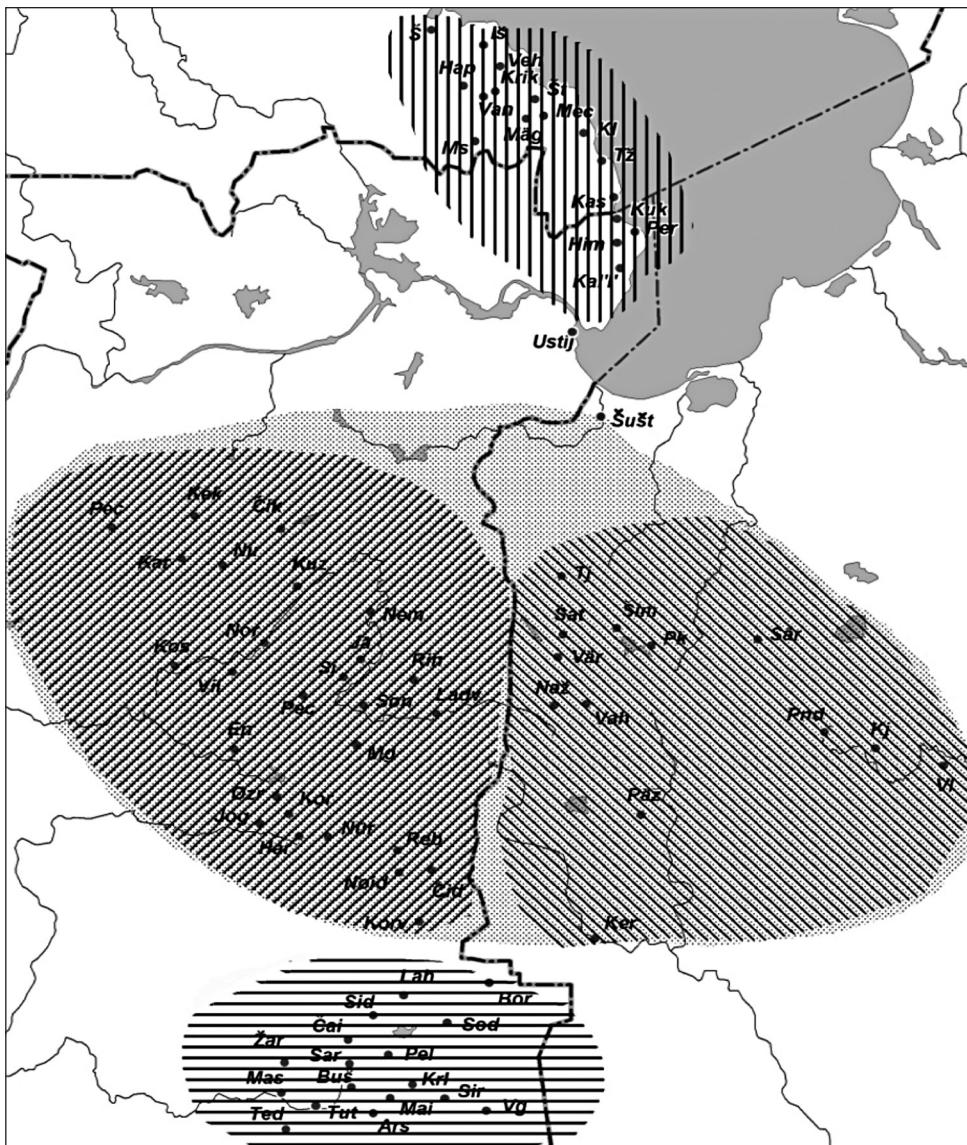

Рис. 3. Карта диалектных ареалов вепсского языка

Уже подготовленные ранее в контексте лингвистической географии этюды по фонетике, грамматике, лексике (более 60 карт; см. [2]) проиллюстрировали значительный общий прибалтийско-финский языковой фонд, а также показали особенности развития каждого диалекта вепсского языка. В данной статье предложен ареальный анализ именований одного понятия ‘сердиться’ в диалектах вепсского языка, который является своеобразной иллюстрацией исследования проблем лексики с привлечением метода лингвистической географии.

Отметим, что лексика исследована меньше других уровней вепсского языка. При этом имеются ценные лексические коллекции, содержащиеся в диалектном словаре вепсского языка, образцах вепсской речи финских и российских исследователей, в этимологических словарях финского и эстонского языков. Отсутствие фундамен-

тальных исследований по лексике вепсского языка затрудняет ее комментирование, ставя перед составителями атласа задачи не только ареального, но семантического, словообразовательного, этимологического и др. анализа лексем, что чаще всего является задачей этимологического словаря.

В диалектах вепсского языка понятие '(рас)сердиться', то есть 'испытывать раздражение на кого-либо' представлено многими лексемами, семантика которых отражает разные степени 'сердитости': от 'обижаться' до 'злиться'. В ходе полевого сбора выявилось также стремление информантов построить глагольную форму таким образом, чтобы ясно было, сердится ли человек давно или он недавно рассердился, что соответствует по семантике русским видовым оттенкам глаголов (что делать: сердиться; что сделать – рассердиться), используя для этого словообразовательные суффиксы вепсского языка.

В некоторых пунктах таким образом могло появиться несколько синонимов, которые необязательно являются полными, в других пунктах используется один-два глагола. Однако мы сочли возможным большую часть гла-

голов с *нейтральным* значением нанести на карту, поскольку можно с уверенностью утверждать, что все картографируемые глаголы в той или иной степени обладают искомой семантикой (рис. 4).

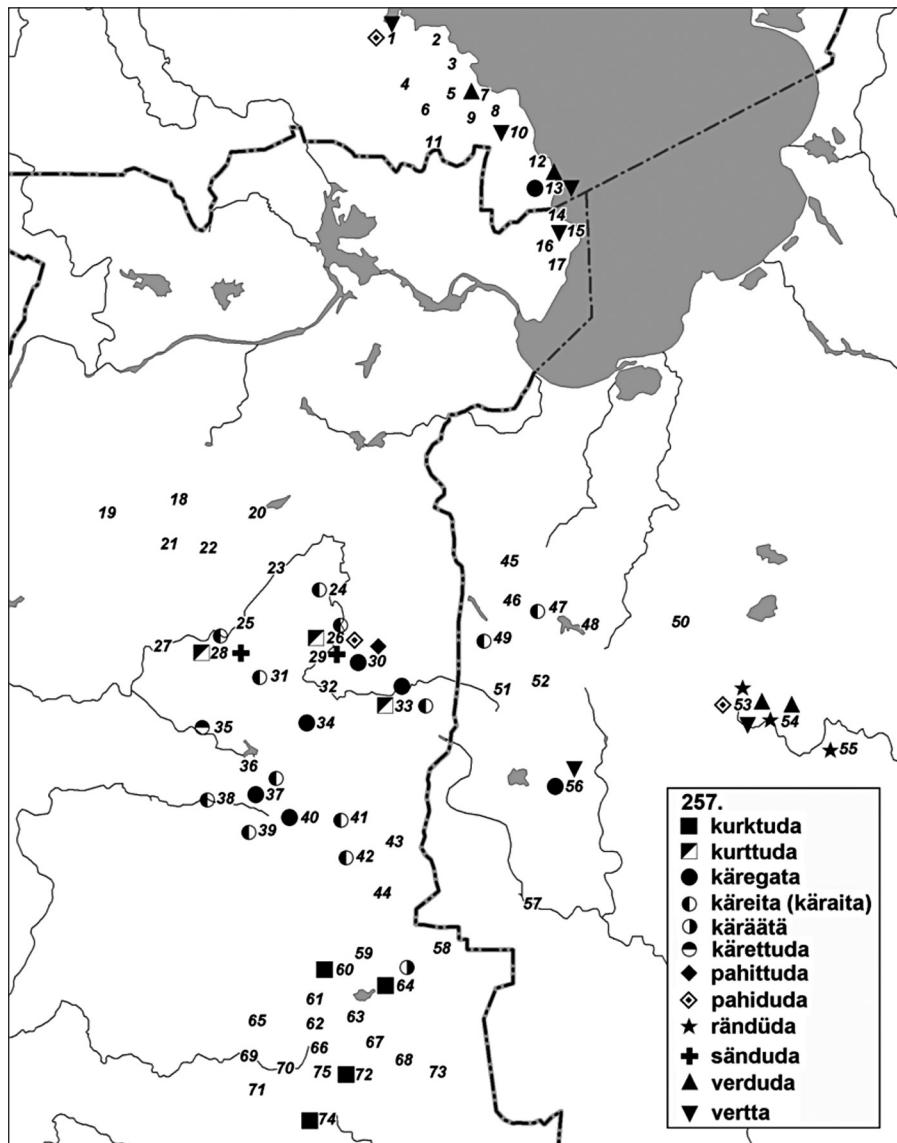

Рис. 4. Карта именований понятия ‘(рас)сердиться’

Наиболее распространенным в языке вепсов является глагол *käraita* ‘сердиться’ (*käregata*, *kärettuda* ‘рассердиться’), который употребителен в западных говорах средневепсского диалекта. Здесь функционирует также прилагательное *käred* ‘сердитый, злой’⁴, с которым по происхождению и связан глагол. Этимологи помещают глагол в этимологическое гнездо *käre-*⁵, где его семантика сосредоточена в дескриптивном поле, связанном со звуками, которые издает, например, мясо при жарке, или теми ассоциациями, которые возникают, когда человек говорит хриплым голосом. Лексемы с подобным значением

отмечаются и в иных прибалтийско-финских языках (например, в карельском языке: *kärie*, *käräkkä* ‘хриплый’⁶, *käraita* ‘хрипеть, сипеть’⁷). Однако здесь глаголов с семантикой ‘сердиться’ на этой почве не возникло. Очевидно, вепсский язык пошел в звуковом сравнении дальше и развил у данной группы прилагательных семантический ряд: *хриплый* → *сердитый*. На следующем этапе появились и глаголы *käraita* ‘сердиться’, *käregata*–*kärettuda* ‘рассердиться’. Поскольку рефлексы этих глаголов, как показывает материал, можно обнаружить и в северно-, и в южновепсском диалектах, они, очевидно,

имели в прошлом более широкое распространение, и, возможно, речь должна идти о правепесском происхождении слова.

У северных вепсов и отчасти в средневепеских белозерских говорах семантику ‘сердиться’ передает глагол *verduda/vertta*. На наш взгляд, его можно разместить в этимологическом гнезде *viertää* ‘жечь, палить подсеку, передвигая горящие деревья с места на место’, который рассматривается в связи с другими финскими глаголами типа *vierrä/viertyä*⁸. Финский многозначный глагол *viertyä* среди прочих обладает значением ‘хрипеть (о голосе)’. Названные финский и вепесский глаголы исключительно близки по фонетическому облику: *viertyä – verduda*. При этом и глагол *vierrä* (вепск. *verda*) ‘палить подсеку’, значение которого связано с горением, также может характеризовать звук, напоминающий хриплый, сердитый голос, как и в случае с глаголом *käraita*, о котором речь шла выше. Дескриптивных глаголов в прибалтийско-финских языках большое количество, и многие лексемы на этой почве обладают внутренней семантически обоснованной мотивацией. Правда, семантики ‘(рас)сердиться’ в данном конкретном случае в родственных языках обнаружить не удалось. Вепесский же язык здесь проявил себя в процессе номинации довольно последовательно, используя тот же признак звукоподражания.

Любопытно, что глагол *verduda/vertta* зафиксирован в языке северных (повсеместно) и восточно-белозерских вепсов. Обычно в подобных случаях у него могли бы быть рефлексы и в карельском языке, однако они отсутствуют.

Глагол *kurttuda/kurttuda* более редкий, связывающий южновепеские говоры с некоторыми средневепескими западными говорами по линии Ярославичи – Озера – Ладва (Vil, Jä, Ladv). В контексте сказанного выше не исключено, что он также может быть дескриптивным, возможно, связанным с существительным *kurk* ‘горло’. Видимо, здесь в семантическом развитии проявляется та же идея, которая лежит и в основе появления семантики ‘сердиться’ у глагола *verduda*, где во внимание принимаются определенные звуки. В данном случае, очевидно, на первом плане оказались звуки, производимые горлом. В связи с этим отметим, что в родственных прибалтийско-финских языках со значением ‘сердиться; злиться’ еще широко распространен глагол, звучащий в финском языке как *suuttua*. Его происхождение этимологи связывают с существительным *suu* ‘рот’⁹. Отметим, что подобный глагол с тем же значением существовал, очевидно, ранее и в диалектах вепесского языка. Он указан в этимологическом словаре финского языка в форме *suutta* ‘сердиться’¹⁰, однако при нынешнем собрании материала его обнаружить не удалось. У названных глаголов любопытен принцип номинации, связанный в одном случае с лексемой *kurk* ‘горло’, в другом случае с лексемой *suu* ‘рот’.

Редким по употреблению, но любопытным с точки зрения происхождения является глагол *sänduda* ‘(рас)сердиться’, который в полевых условиях собрать уже не удалось, но он отмечен в словаре вепесского языка¹¹ в двух западновепеских пунктах: в Озерах и Ярославичах (Jä, Vil). После длительного поиска нам удалось выявить соответствия в собственно карельских говорах (*seäntyö/seänd'yö* ‘сердиться, злиться’¹², *šiäntyö/seändyö* ‘сердиться, злиться’¹³), а также и в тихвинских говорах карельского языка: (*s'ändüö* ‘сердиться’¹⁴); последняя форма более всего напоминает вепесский глагол *sänduda*. Большой словарь диалектов карельского языка, изданный в Финляндии, указывает на существование названного глагола и в ливвиковских говорах карельского языка¹⁵, однако словарь карельского языка (ливвиковский диалект), составленный Г. Н. Макаровым¹⁶, его наличия в данных говорах, довольно близких вепесскому, не подтверждает. Очевидно, лексема в этой группе говоров стала довольно редкой.

Этимологический словарь финского языка включил названные выше карельские глаголы в гнездо *sydän* ‘сердце’¹⁷. Среди множества прочих лексем из финского языка в эту этимологическую статью включен глагол *sydämistyä* ‘сердиться’. Он наиболее ярко иллюстрирует словообразовательный и семантический путь развития картографируемого значения: *sydän* ‘сердце’ → *sydämistyä* ‘(рас)сердиться’. Указанная словарная статья содержит и карельский глагол *šiäntyö/seändyö* с аналогичным значением.

Показательно, что вепесский глагол *sänduda* не включен в SSA в словарную статью *sydän*. Очевидно, этому препятствовал фонетический облик вепесского слова, не позволивший напрямую связать его с производящей прибалтийско-финской основой *sydän*. Внешний вид вепесского глагола по сравнению с финским, а также с самой вепескоязычной формой слова *südäin* ‘сердце’ выглядит исключительно изношенным. Он действительно настолько изменил свой фонетический облик, что в имени и глаголе (*südäin – sänduda*) трудно обнаружить общность. Однако при этом вепесский глагол безупречно вписывается в один ряд с карельским, что позволяет предположить заимствованный характер вепесского слова: карельск. *šiäntyö / seändyö / s'ändüö* > вепск. *sänduda*. Глагол карельского языка *seändyö* по сравнению с финским *sydämistyä* также выглядит стяженным. Очевидно, это вызвано частотностью употребления и изношенностью самой производящей основы, что привело ее к значительному фонетическому изменению от *süvän* → до *seän* ‘сердце’, что повлекло за собой и соответствующее фонетическое развитие глагола *šeäntyö*. Лексема *sydän* исключительно многозначна: от значения ‘сердце’ до обозначения различных внутренностей и внутренних конструкций.

Во многих языках она подверглась грамматикализации, употребляясь в роли послелога (напр., вепсск. *pirgan südäimehe* ‘внутрь пирога’, *aidan südäimes* ‘внутри изгороди’¹⁸, карельск. *pertin sydäimeh* ‘в середину избы’; *ručin sydäimes* ‘в середине бочки’ [4: 104]). Поэтому изменение внешнего облика слова в этих условиях достаточно закономерно. Вполне возможным представляется и путь заимствования вепсского глагола *sänduda* из карельского *seändyö*. Трудно утверждать, насколько широко лексема *sänduda* употреблялась ранее в диалектах вепсского языка, но ясно, что она, проникнув через карельский язык, стала в вепсском языке несомненным северно-прибалтийско-финским наследием.

В данном контексте, кроме всего прочего, обращает на себя внимание аналогичное развитие номинации понятия ‘(рас)сердиться’ в языках разных групп и семей:

– прибалтийско-финские языки: *sydän* ‘сердце’ → *sydämistyä* ‘сердиться’ (финск.); *seän~süvän* ‘сердце’ → *šiäntyö/seändyö* ‘сердиться’ (карельск.);

– русский язык: *сердце* → *сердиться, сердитый*¹⁹.

Лексемы *pahiduda/pahittuda* ‘(рас)сердиться’ ведут свое происхождение от прибалтийско-финского прилагательного *paha* ‘злой, сердитый’, которое и определило семантику вепсских глаголов. Прилагательное *paha* в идентичном с вепсским значении широко известно во всех прибалтийско-финских языках, так же как и большое количество глаголов, от него образованных. Однако эти глаголы в родственных языках значительно теснее, нежели в вепсском *pahiduda/pahittuda* ‘(рас)сердиться’, связаны по семантике с производящим прилагательным *paha* ‘плохой, нехороший, дурной’, напр.: финск. *raheksua* ‘не одобрять’, *rahentua* ‘ухудшаться’²⁰; карельск. (ливвиковское): *pahastuo* ‘огорчаться’, *raheta* ‘становиться хуже’²¹ и т. д. Пожалуй, лишь значения глаголов типа финск. *pahoia* ‘огорчаться’²², карельск. *paheltuo* ‘обижаться’²³ несколько приближаются по семантике к значению вепсских глаголов *pahiduda/pahittuda* ‘сердиться’ и отчасти свидетельствуют о возможности развития подобного значения, как это случилось в языке вепсов.

У белозерских (восточных) вепсов при обозначении семантики ‘(рас)сердиться’ наиболее

употребителен глагол *rändüda*, образованный, очевидно, от прилагательного *rän’* ‘сердитый, злой’²⁴. В этимологическом словаре финского языка имеется лексема *ränä* ‘капризный, взбалмошный’, которая, по мнению этимологов, пришла в финский из современных шведских диалектов²⁵. Вряд ли эта довольно поздняя заимствованная лексема таким же путем могла появиться и в языке вепсов, хотя здесь налицо некая связь с финской лексемой и во внешнем облике слова, и семантически. Скорее всего, глагол *rändüda* является русским диалектным заимствованием:ср. русск. диал. глагол *дрянистъ* ‘плохо вести себя; упрямиться’²⁶, который отмечен на смежной с белозерскими вепсами территории (вологодский, кадниковский говоры).

Таким образом, понятие ‘сердиться’ в языке вепсов передается несколькими глаголами, что дает возможность даже на материале именований одного понятия сделать некоторые заключения о формировании диалектных ареалов вепсского языка. Прежде всего отметим, что многие глаголы этого семантического круга оказались дескриптивными. Можно предположить, что для мотивов номинации в этом случае была важна не столько внутренняя суть понятия, сколько внешний, звукоподражательный момент, что и определило выбор производящих основ для образования глаголов: хриплый (о голосе); похожий на звук шипения жарящегося мяса; похожий на звуки горения деревьев или звуки при глотании.

Наиболее употребительными в диалектах вепсского языка оказались глаголы *käraita*, *verdu-da/vertta* и *pahiduda*, которые являются прибалтийско-финским наследием, и их рефлексы отмечаются в той или иной степени во всех вепсских ареалах. Глагол *kurktuda*, очевидно, относится к вепсской инновационной лексике. Несмотря на то, что словообразовательная основа глагола *kurk-* ‘горло’ является прашибалтийско-финской и известна практически всем родственным языкам, глагол с картографируемой семантикой возник, очевидно, в период самостоятельного развития вепсского языка. Глагол *sänduda*, как показал анализ, может быть заимствованием из карельского языка, а *rändüda*, возможно, является русским диалектным заимствованием.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00063.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Алфавитный указатель вепсских пунктов на вепсском и русском языках с их номерами на картах

74. Ars – Arskäht’ (Радогощь), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
58. Bor – Bor (Саньков Бор) – «–
66. Buš – Bušak (Бошаково) – «–
61. Čai – Čaigl (Чайгино) – «–
43. Čid – Čidoi (Чидово), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
20. Čik – Čikl (Чикозеро) – «–
35. En – Enar’v (Вонозеро), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
4. Nap – Napšom (Габшема), Прионежский р-н, Республика Карелия
39. Har – Haragl (Харагеничи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
16. Him – Himd’ogi (Гимрека), Прионежский р-н, Республика Карелия

2. Iš – Išan' (Ишанино) – «–
38. Jog – Jogens (Усть-Капша), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
26. Jä – Järved (Озера), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
17. Kal'l' – Kal'l' (Шелейки) – «–
21. Kar - Karhil (Каргиничи) – «–
13. Kas – Kaskesoja (Каскесручей), Прионежский р-н, Республика Карелия
18. Kek – Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
57. Ker – Kerčák (Керчаково), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
54. Kj – Kuja (Куя) – «–
10. Kl – Kaleig (Рыбрека), Прионежский р-н, Республика Карелия
37. Kor – Korbal (Корбиничи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
44. Korp – Korval (Корвала), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
27. Kos – Koskenpä (Надпорожье) – «–
5. Krik – Krik (Крюкова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия
67. Krl – Kortlaht (Кортлахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
14. Kuk – Kukagd' (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
23. Kuz – Kužra (Кузра) – «–
33. Ladv – Ladv (Ладва) – «–
59. Lah – Laht (Лахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
72. Mai – Maigär' (Боброзеро) – «–
69. Mas – Maslagi (Маслово) – «–
8. Mec – Mecantaga (Залесье), Прионежский р-н, Республика Карелия
34. Mg – Mäggär' (Мягозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
11. Ms – Matvejansel'g (Матвеева Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия
9. Mäg – Mägi (Горное Шелтозеро) – «–
51. Naž – Nazamgärv (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
24. Nem – Nemž (Немжа), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
22. Nir – Nirgl (Ниргиничи) – «–
42. Noid – Noidal (Нойдала), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
25. Nor – Norj (Норгина), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
40. Nür – Nürgl (Нюрговичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
36. Ozr – Ozroil (Озровичи) – «–
31. Pec – Pecoil (Пелдуши), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
19. Peč – Pečal (Печеницы) – «–
63. Pel – Peloo (Пелдуши), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
15. Per – Pervakat (Урицкая), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
48. Pk – Püutkask (Пелкаска), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
53. Pnd – Pondaal (Пондала), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
75. Pož – Požarišš (Пожарище), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
56. Päž – Päžar' (Пяжозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
41. Reb – Rebagi (Ребов Конец), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
30. Rih – Rihaluite (Подовинники-Азмозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
12. Tž – Toižeg (Другая Река), Прионежский р-н, Республика Карелия
62. Sar – Sar' (Остров), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
68. Sir – Sirj (Перелесок) – «–
29. Si – Sarjärv (Сарозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
64. Sod – Sodjärv (Сидорово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
50. Sär – Särgärv (Сяргозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
1. Š – Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия
46. Šat – Šatjärv (Шатозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
60. Šid – Šidjärv (Прокушево), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
47. Šim – Šimgär' (Шимозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
32. Šon – Sondjal (Шондовичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
7. Št – Šoutarv (Шелтозеро), Прионежский р-н, Республика Карелия
65. Zar – Žarad (Жары), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
71. Ted – Tedroo (Тедрово) – «–
45. Tj – Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
70. Tut – Tutuk (Сташково), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
52. Vah – Vahtkär' (Вахтозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
6. Van – Vanhimsel'g (Вангимова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия
3. Veh – Vehkoja (Вехручей) – «–
73. Vg – Vaagedjärv (Белое Озеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
28. Vil – Vil'häl (Ярославичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
55. Vi – Voilaht (Войлахта), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
49. Vär – Väräsjärv (Кривозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.

2. Список сокращений источников

Макаров 1990 = Словарь карельского языка (ливвицкий диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 494 с.

Пунжина 1994 = Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

СВЯ = Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 745 с.

СРНГ = Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46. М.; Л.: СПб.: Наука, 1966–2013.

Фасмер = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.

Федотова, Бойко 2009 = Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2009. 349 с.

ALFE = Atlas Lingvarium Fennicarum, I–III. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, 2007, 2010.

KKS = Karjalan kielen sanakirja, I–VI. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1968–2005.

LMS = Lyydiläismurteiden sanakirja. Toimitanut J. Kujola. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1944. 543

SSA = Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, I–III. Jyväskylä, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: ALFE.
- ² В работе над атласом, с момента зарождения его идеи и в течение всего проекта, принимала участие и автор данной статьи, здесь был приобретен исключительно полезный опыт работы в области лингвистической географии.
- ³ ALFE 2004: 60.
- ⁴ СВЯ: 263.
- ⁵ SSA 2001: 475.
- ⁶ KKS 1974: 564.
- ⁷ LMS: 185.
- ⁸ SSA 2000: 434–435.
- ⁹ SSA 2000: 227.
- ¹⁰ SSA 2000: 227.
- ¹¹ СВЯ: 537.
- ¹² KKS 1997: 354.
- ¹³ Федотова 2009: 266.
- ¹⁴ Пушкина 1994: 253.
- ¹⁵ KKS 1974: 354.
- ¹⁶ Макаров 1990.
- ¹⁷ SSA 2000: 228.
- ¹⁸ СВЯ: 532.
- ¹⁹ Фасмер: 1971: 605.
- ²⁰ SSA 1995: 286.
- ²¹ Макаров 1990: 249.
- ²² SSA 1995: 286.
- ²³ KKS 1993: 97.
- ²⁴ В этом случае при условии заимствования глагола из русских говоров возможно и обратное развитие: мог вначале быть заимствованным глагол, а потом возникло прилагательное по модели других прилагательных.
- ²⁵ SSA 2000: 126.
- ²⁶ СРНГ 1972: 229.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева Н. Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2002. 286 с.
2. Зайцева Н. Г. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Карельский научный центр, 2016. 394 с.
3. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 353 с.
4. Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2015. 169 с.
5. Ahlqvist A. Anteckningar i Nors-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae, № 6. Helsinki, 1861. P. 50–75.
6. Grünthal R. Vepsän kielioippi. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 347 s.
7. Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Juminkeon julkaisuja, № 24. 2002. 53 s.
8. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946. 922 s.

Zaitseva N. G., ILLH KarRC RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

‘TO GET ANGRY’ IN VEPSIAN (CONCEPT’S NAMING IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC GEOGRAPHY)

The lingo-geographic studies are rather popular in the Finno-Ugric research world. Sustainable accumulation of dialectal materials, conducted for an extended period of time, is resulting in the development of dialectological atlases. The work on the elaboration of the “Linguistic Atlas of the Vepsian Language” has been in progress for some years. The dialectic parcelling of the Vepsian speech, according to the three main Vepsian languages (North-Vepsian or Prionezhsky dialect, Central-Vepsian and South-Vepsian), was introduced by the Finnish linguists. Later it was accepted by the Russian Vepsian scholars as an approach consistent with reality. First of all, it was connected to the geographical location of Vepses’ residence. Specificity of the work on the vocabulary, allocated on the linguistic maps of the future atlas and in the follow up comments, is presented in this article through the term naming of the concept ‘(to get) angry’ in the dialects of the Vepsian language. The survey shows that there are words of the Baltic-Finnish origin (*käraita*, *pahiduda*, *verduda* / *vertta*), Vepsian innovative vocabulary (*kurttuda*), traces of contacts with the Karelian language (*sänduda*), and Russian folk dialects *rändüda*. A set of these factors has left its imprint on the development of dialectal areas in the Vepsian language.

Key words: linguistic geography, language contacts, Vepsian language, dialectal areas, etymology

REFERENCES

1. Zaitseva N. G. *Vepsskiy glagol. Sravnitel’no-sopostavitel’noe issledovanie* [The Vepsian verb. Comparative study]. Petrozavodsk, Karel’skiy nauchnyy tsentr Publ., 2002. 286 p.
2. Zaitseva N. *Ocherki vepskoy dialektologii (lingvo-geograficheskiy aspekt)* [Essays of Vepsian dialectology (linguistic and geographical aspect)]. Petrozavodsk, Karel’skiy nauchnyy tsentr Publ., 2016. 394 p.
3. Mullen I. I. *Toponimiya Prisviry: problemy etnoazykovogo kontaktirovaniya* [Toponymy of the Svir river: problems of ethno-linguistic contacts]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2002. 353 p.
4. Rodionova A. *Semantika karel’skoy grammatiki* [Semantics of Karelian grammar]. Petrozavodsk, 2015. 169 p.
5. Ahlqvist A. Anteckningar i Nors-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae, № 6. Helsinki, 1861. P. 50–75.
6. Grünthal R. Vepsän kielioippi. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 347 s.
7. Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Juminkeon julkaisuja, № 24. 2002. 53 s.
8. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946. 922 s.

Поступила в редакцию 18.04.2017